

Оноре де Бальзак

Свадебный договор

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б21

Б21 **Бальзак О.**
Свадебный договор / Оноре де Бальзак – М.: Книга по Требованию, 2013. – 70 с.

ISBN 978-5-518-09477-2

ISBN 978-5-518-09477-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

когда постоянно чувствуешь присутствие женщины...

– Ну, не торопись с этим, Поль! – перебил его де Марсе.

Поль не смутился и продолжал:

– Смейся сколько угодно, но я буду счастлив лишь тогда, когда камердинер будет входить и докладывать:

«Мадам ожидает месье к завтраку»; когда, возвращаясь вечером домой, я буду знать, что меня ждет кто-то...

– А все-таки не торопись, Поль! Ты еще не созрел для женитьбы, особенно в нравственном отношении.

– ..что меня ждет кто-то, кому я могу рассказать о своих делах, доверить свои тайны. Я хочу быть настолько близок с женой, чтобы наша любовь не зависела от случайно сказанных «да» или «нет», чтобы я не мог очутиться в таком положении, когда, случается, даже самый обаятельный молодой человек терпит в любви неудачу. Словом, у меня хватит духу, чтобы стать, как ты выражаешься, отцом семейства, примерным супругом. Я чувствую, что создан для радостей семейной жизни, и хочу подчиниться тем условиям, какие установило общество: иметь жену, детей...

– Ты похож на муху, летящую на мед в мухоловку. Лети! Ты будешь одурачен на всю жизнь. Вот как? Ты хочешь жениться? Хочешь, чтобы возле тебя была жена? Так, значит, считаешь благополучно и даже с выгодой для себя разрешить труднейшую из всех проблем, выдвинутых буржуазными нравами, этим порождением французской революции? И начинаешь с того, что хочешь поселиться с женой уединенно! Уверен ли ты, что жена твоя не станет стремиться к той самой жизни, которую ты так презираешь? Будет ли она питать такое же отвращение к свету, как ты? Если ты не хочешь, чтобы тебя постигла судьба всех мужей, судьба, которую только что во всей ее прелести описал тебе твой старый друг де Марсе, выслушай мой последний совет. Оставайся холостяком еще тринадцать лет, веселись напропалую; затем, когда тебе стукнет сорок, после первого приступа подагры, женись на тридцатишестилетней вдове; ты еще сможешь быть счастлив. Но если ты женишься на молоденькой девушке, твоя песенка спета!

– Вот как! Почему же это? – спросил слегка задетый Поль.

– Дорогой мой, – ответил де Марсе, – сатира Буало о женщинах – лишь ряд опоэтизированных пошлостей. К чему исправлять недостатки женщин? Зачем лишать их естественного наследия всего человеческого рода? Да и проблема брака, по-моему, уже не та, что во времена Буало. Неужели ты думаешь, что брак имеет что-нибудь общее с любовью, что мужа должны любить лишь за то, что он муж? Как видно, ты ничего не вынес из посещения дамских будуаров, кроме счастливых воспоминаний. Наша холостяцкая жизнь такова, что любой из нас, женившись, неизбежно впадает в роковое заблуждение, если только не является знатоком человеческого сердца. Такова уж причудливость наших нравов, что мужчина только в блаженные дни юности неизменно приносит счастье женщинам, побеждает их, очарованных, покорных его воле. Созданные законом препятствия, сила чувств, необходимость преодолевать свойственную женщинам сдержанность способствуют взаимным наслаждениям, что и заставляет неопытного молодожена заблуждаться насчет семейных отношений; когда препятствий больше нет, женщина уже не отвечает на любовь, а лишь терпеливо сносит ее, уже не жаждет любовных утех, а нередко отвергает их. Когда мы женимся, вся жизнь меняется. Свободный, беспечный холостяк всегда готов идти в наступление, даже неудача ему не страшна. А стоит жениться – тут уж положение непоправимо. Если любовник в состоянии добиться любви женщины, которая сначала его отвергла, то для мужа, дорогой мой, такая попытка – Ватерлоо. Удел мужа – одерживать победы, подобные победам Наполеона: их многочисленность не мешает ему быть низвергнутым при первом же поражении. Женщине льстит настойчивость любовника, его ревность; но стоит мужу обнаружить такие же качества, и его обвинят в грубости. Холостяк может сам выбрать поле сражения, ему все позволено, а для мужа все под запретом, для битвы ему отведены лишь одни пределы, раз навсегда. Вдобавок борьба происходит на иных началах: жена склонна отказывать мужу даже в том, что принадлежит ему по праву, тогда как любовнику разрешается то, на что он никакого права не имеет.

Ты вот хочешь жениться, ты скоро женишься, а заглядывал ли ты хоть раз в гражданский кодекс? Я никогда не переступал порога Школы права, этого рассадника болтунов, этого грязного притона толкователей законов, я никогда не раскрывал кодекса, но воочию вижу, как он применяется в жизни. Я поневоле стал законоведом, точно так же, как управляющий больницей не может не стать медиком. Болезни изучаются не по книгам, а на самих больных. Закон, дорогой мой, рассматривает женщин как существа, подлежащие опеке, наравне с малолетними, наравне с детьми. А ведь как воспитывают детей? Посредством страха. Тут-то, Поль, и зарыта собака. Пощупай себе пульс! Ну, можешь ли ты хотя бы притвориться деспотом, ты, такой мягкий, добродушный, искренний? Раньше я смеялся над тобой, теперь же я так люблю тебя, что хочу поделиться с тобой своим опытом. Он ведет начало от науки, названной немцами антропологией. Если бы я не решил посвятить жизнь удовольствиям; если бы не питал глубокой антипатии к тем, кто только размышляет, вместо того чтобы действовать; если бы не презирал простофилю и глупцов, думающих, что книги долговечны, в то время как пески африканских пустынь – это прах бесчисленных, никому не ведомых, исчезнувших Лондонов, Венеции, Парижей и Римов; если бы не все это, я написал бы книгу о современном браке, о влиянии на него христианства и ярко осветил бы эту грудку острых камней, на которых спят последователи завета «Плодитесь и размножайтесь!» Но разве человечество стоит того, чтобы я потратил на него хоть четверть часа? К тому же единственно разумное применение чернил – это писание любовных писем, чтобы приманивать легковверные сердца. Ну так что же, познакомишь ли ты нас с графиней де Манервиль?

– Может быть, – ответил Поль.

– Мы останемся друзьями, – сказал де Марсе.

– Если только... – начал Поль.

– Успокойся, мы будем с тобой вежливы, как Мезон Руж с англичанами при Фонтенуа.

Эта беседа несколько смутила графа де Манервиля, но все же он не отказался от задуманного и зимой 1821 года вернулся в Бордо. Для того чтобы отделать и обставить особняк, он вошел в большие расходы; это поддержало его репутацию эlegantного человека, которую молва утвердила за ним еще до его приезда. Былые связи помогли ему вновь войти в роялистские круги города; он принадлежал к этому обществу как по взглядам, так и в силу своего богатства и титула. Поль стал признанным властителем моды: его знание светской жизни, парижские манеры, воспитанность привели в восторг «Сен-Жерменское предместье» города Бордо. Одна старая маркиза, говоря о Поле, употребила выражение, бывшее некогда в ходу при дворе, когда шла речь о молодых процветающих красавцах, франтах былых времен, чьи манеры и язык служили законом для всех, – она назвала Поля «душистым горошком». Это выражение подхватили и сделали из него прозвище; либералы вкладывали в него насмешливый смысл, роялисты – одобрителный. Поль де Манервиль с гордостью старался оправдать это прозвище. С ним произошло то же, что случается с посредственными актерами: с того дня, как публика обратит на них внимание, они начинают играть лучше. Чувствуя себя в своей среде, Поль обнаружил все те достоинства, какие не совсем еще были вытеснены его недостатками. Его шутки не были ни едки, ни язвительны, в манерах не было высокомерия; разговаривая с женщинами, он проявлял почтительность, которая им так нравится, но не был ни чересчур услужлив, ни слишком фамильярен. Его щегольство было на самом деле лишь простой заботой о своей наружности и только придавало ему приятность. С каждым он находил верный тон; молодым людям позволял держаться с ним запросто, но, пользуясь своим парижским опытом, умел, когда нужно, поставить собеседника на место. Прекрасный стрелок и фехтовальщик, он в то же время отличался чисто женской мягкостью, и это опять-таки нравилось. Он был среднего роста и несколько склонен к полноте, хотя далеко не толст; обычно это мешает слыть образцом эlegantности, но Полю не воспрепятствовало играть роль Бреммеля города Бордо. Белизна лица, оттененная здоровым румянцем, красивые руки и ноги, синие глаза с длинными ресницами, черные волосы, изящество движений, грудной голос, мягкий и обаятельный, – все в нем как нельзя более соответствовало его прозвищу. Поль походил на нежный цветок, требующий заботливого ухода, расцветающий только на влажной, подходящей для него почве; от плохого обращения такой цветок хиреет, от слишком жарких солнечных лучей вянет, от мороза гибнет. Поль принадлежал к числу мужчин, скорее способных наслаждаться счастьем,

чем приносить его другим; в них много женственного, им хочется, чтобы их понимали, поощряли; брак для них – нечто predetermined. В семейной жизни подобный характер бывает иногда причиной осложнений, зато в светской жизни он неотразимо привлекателен. Поэтому граф де Манервиль пользовался успехом в узком кругу провинциального общества, где его несколько робкий ум ценили больше, чем в Париже.

На приведение в порядок особняка, который он обставил с чисто английской роскошью и комфортом, и перестройку замка в Ланстраке ушли все доходы, скопленные нотариусом за шесть лет. Вынужденный ограничиваться сорока с чем-то тысячами ливров в год, Поль благоразумно распорядился вести хозяйство так, чтобы траты не превышали этой суммы. Когда он показал всем свои экипажи, познакомился с наиболее изысканными молодыми людьми города, съездил с ними в свой заново отстроенный замок, чтобы поохотиться, ему стало ясно, что провинциальная жизнь немыслима без женитьбы. Поль был слишком молод, чтобы заняться исключительно хозяйственными делами и свести все свои интересы к корыстолюбию и расчетливости, в которых рано или поздно погрязают провинциалы ввиду необходимости пристроить детей, и вскоре он ощутил потребность изменить весь уклад своей жизни, – привычка к переменам становится для парижанина как бы второй натурой. Однако главной причиной, побудившей его жениться, было не желание продолжать свой род, иметь наследников, чтобы впоследствии передать им свои поместья, не перспектива приобрести влиятельные знакомства, принимая у себя знатнейшие местные семьи, не отвращение к случайным связям. Дело в том, что с самого приезда в Бордо он был тайно влюблен в царицу бордоских балов, прославленную красавицу мадемуазель Эванхелиста.

В самом начале девятнадцатого века один богатый испанец, по имени Эванхелиста, поселился в Бордо; имевшиеся у него рекомендательные письма и крупное состояние открыли перед ним двери дворянских домов. Его жена немало способствовала приобретению им безупречной репутации у местных аристократов, которые, быть может, лишь затем и приняли его в свою среду, чтобы досадить другому, второсортному светскому обществу города. Креолка, похожая на рабовладелицу, г-жа Эванхелиста, происходившая, впрочем, из прославленного испанского рода Каса-Реаль, жила, как знатная дама, не заботясь о деньгах, привыкнув к тому, что все ее прихоти, даже самые разорительные, немедленно исполнялись влюбленным в нее мужем, который считал излишним посвящать ее в денежные дела. Испанец был очень доволен, что его жене понравился Бордо, где ему пришлось обосноваться; он приобрел там особняк, зажил на широкую ногу, стал устраивать пышные приемы, проявляя во всем изысканный вкус. Поэтому с 1800 по 1812 год в Бордо только и говорили, что о супругах Эванхелиста. Испанец умер в 1813 году, оставив после себя вдову тридцати двух лет, огромное состояние и прелестную одиннадцатилетнюю дочь, обещавшую стать и действительно ставшую незаурядной красавицей. Как ни изворотлива была г-жа Эванхелиста, Реставрация повредила ее положению в обществе; роялистские круги стали более замкнуты, кое-какие семьи уехали из Бордо. Хотя на денежных делах вдовы сказалась смерть мужа, отсутствие его ума и твердой руки, она относилась к этим делам с беспечностью креолки, с безалаберностью истой шеголихи и жила по-прежнему широко. К тому времени, когда Поль принял решение вернуться в родной город, Натали Эванхелиста была самой красивой и, по всей видимости, самой богатой невестой в Бордо; никто не знал, что богатство ее матери постепенно таяло, так как г-жа Эванхелиста бросала на ветер огромные деньги, чтобы по-прежнему царить в высшем свете. Блестящие балы, пышный, как и прежде, образ жизни семьи Эванхелиста поддерживали в обществе уверенность, что семья эта все так же богата. Натали исполнилось девятнадцать лет, но еще никто не просил ее руки у матери. Не встречая препятствий к удовлетворению любого из своих девических капризов, мадемуазель Эванхелиста носила драгоценности, платья из кашемира и жила в роскоши, пугавшей расчетливых молодых людей, – ведь во Франции в те времена дети были ничуть не менее расчетливы, чем родители. В гостиных, в кругу мужчин, неизменно повторялось: «На мадемуазель Эванхелиста может жениться разве только какой-нибудь принц!» Маменьки и бабушки, стремившиеся выдать замуж своих дочерей и внучек, девушки, завидовавшие Натали, ее непревзойденному изяществу, ее царственной красоте, – все своими коварными намеками дружно поддерживали сложившееся о ней мнение. Стоило на балу кому-нибудь из числа возможных женихов при появлении Натали, залюбовавшись ею,

восторженно воскликнуть: «Боже, как она хороша!» – маменьки не упускали случая заметить:

«Да, но как дорого стоит эта красота!» Если какой-нибудь новичок находил, что мадемуазель Эванхелиста очаровательна и что лучшей невесты не найти, ему возражали: «Кто же отважится взять в жены девушку, которая привыкла получать от матери на наряды по тысяче франков в месяц, у которой есть собственные лошади и горничная! А ее кружева! Ведь ее пеньюары отделаны мехельнскими кружевами. На стирку ее тонкого белья уходит столько денег, что на них могла бы прожить целая семья какого-нибудь служащего средней руки. По утрам она надевает пелерины, одно глаженьё которых обходится в шесть франков».

Как бы ни хотелось кому-нибудь жениться на Натали, эти замечания и множество других, часто замаскированных похвалой, быстро отбивали у него всякую охоту. Блестая на всех балах, привыкнув, что каждый ее шаг сопровождается льстивыми комплиментами и восхищенными улыбками, Натали ничего не знала о жизни. Она жила так же беззаботно, как летают птицы, как растут цветы; все вокруг были готовы исполнить любое ее желание. Она не знала, сколько стоят вещи, которые ее окружают, откуда берутся деньги, как они достаются и на что уходят. Быть может, она думала, что при каждом доме полагается быть поварам, кучерам, горничным и лакеям, подобно тому как на лугу полагается расти траве, а на деревьях – плодам. Ей не было дела до нищеты и несчастья, так же как до поваленного бурей леса или неплодородной почвы. Мать нежно лелеяла ее, оберегала от малейшей заботы, которая могла бы испортить дочери удовольствие, и Натали легко носилась по балам, как носится по степи вольный скакун, еще не знающий ни узды, ни подков.

Через полгода после приезда Поля царица балов и «душистый горошек» впервые встретились в высшем обществе. Они обменялись, казалось бы, равнодушными взглядами, но на самом деле очень понравились друг другу. Внимательно следя за результатами этой заранее предусмотренной встречи, г-жа Эванхелиста уловила в глазах Поля зародившееся чувство и подумала: «Он будет моим зятем!» А Поль, увидев Натали, сказал себе:

«Она будет моей женой!» Представление о богатстве семьи Эванхелиста, вошедшем у жителей Бордо в поговорку, создалось у Поля еще в детстве и, как всегда в таких случаях бывает, прочно укоренилось в его сознании. Поэтому денежная сторона вопроса разрешилась для него сразу, не требуя наведения справок и расспросов, что одинаково неприятно как для робких, так и для гордых людей.

Кое-кто попытался в разговоре с Полем, расхвалив, как обычно, красоту, манеры, воспитанность Натали, закончить свою речь ядовитыми намеками на широкий образ жизни семьи Эванхелиста, сулящий осложнения в будущем, но «душистый горошек» отнесся к услышанному с тем пренебрежением, какого заслуживали подобные глубоко провинциальные сплетни. Об этом вскоре все узнали, и злословие прекратилось, так как Поль задавал тон во всем, что касалось не только манер и разных мелочей, но также мнений и толков. Он ввел в обиход чисто британский индивидуализм, ледяную неприступность, байроническую насмешку, презрительное отношение к жизни и к узам, считающимся священными, а также английскую серебряную посуду и английские же шутки, презрение к допотопным провинциальным обычаям и привычкам, ввел в моду сигары, лакированную обувь, шотландских пони, желтые перчатки и езду галопом. И Поль избежал общей участи: ни одна девушка, ни одна вдовствующая бабушка не попытались отбить у него охоту жениться на Натали. Г-жа Эванхелиста несколько раз приглашала его на парадные обеды. Разве мог он не посещать балы, где бывал весь цвет городской молодежи? Поль старался казаться равнодушным, но это не обманывало ни мать, ни дочь; дело мало-помалу подвигалось к браку. Когда Поль выезжал на прогулку в тильбюри или верхом на породистой лошади, многие молодые люди останавливались, и до его слуха долетали слова: «Счастливцев! Он богат, красив и женится, говорят, на мадемуазель Эванхелиста. Да, есть же люди, которым все так и плывет в руки!» При встрече с коляской г-жи Эванхелиста ему было лестно видеть, что мать и дочь придают своему приветствию какой-то особый оттенок. Но даже если бы Поль и не был в глубине души влюблен в Натали, общество, наверное, и против его воли женило бы его на ней: внимание света никогда не приносит добра, но часто бывает причиной многих бед. Когда несчастье, которое общество старательно возвращает, распустится пышным цветом, все отрекаются от его жертвы и преследуют ее своей враждой. Великосветские круги Бордо, приписывая Натали

миллионное приданое, прочили ее за Поля, как водится, не спрашивая согласия сторон. Они подходили друг к другу еще и потому, что оба были богаты. Поль привык к такому же изяществу, к такой же роскоши, в какой жила Натали. Никто в Бордо не мог бы обставить для Натали дом так хорошо, как Поль только что обставил свой особняк. Лишь тот, кто привык к парижской расточительности и к причудам парижанок, мог бы избежать денежных неприятностей, связанных с женитьбой на этой девушке, такой же креолке, как и ее мать, обладавшей теми же замашками знатной дамы. Любой житель Бордо, женившись на Натали, непременно разорился бы; но все почему-то считали, что графу де Манервилю удастся избежать такой беды. Итак, свадьба была делом решенным. Лица, принадлежавшие к роялистским кругам, толкуя об этом браке, наговорили Полю много лестного для его тщеславия.

– Все здесь прочат за вас мадемуазель Эванхелиста; вы прекрасно сделаете, женившись на ней; такой красавицы вы не найдете и в Париже: она изящна, грациозна, ее мать в родстве с Каса-Реаль. Вы будете прелестнейшей парой, ведь у вас одинаковые вкусы, вы одинаково относитесь к жизни, ваш дом будет самым блестящим в Бордо. Переселяясь к вам, жене придется захватить с собой разве лишь ночной чепчик. В подобных случаях хорошо обставленный дом – целое богатство. Вам везет и в том отношении, что у вас будет такая теща, как госпожа Эванхелиста. Эта умная, проницательная особа окажет вам немалую помощь в политической деятельности, которая вам, вероятно, предстоит. К тому же она все принесет в жертву ради обожаемой дочери; и Натали – прекрасная дочь, – значит, будет прекрасной женой. А ведь вам пора уже устроить свою жизнь.

– Так-то оно так, – отвечал Поль, хотя и влюбленный, а все же желавший сохранить свободу суждения, – но хочется быть уверенным, что устроишь ее счастливо.

Поль начал бывать у г-жи Эванхелиста: нужно же чем-нибудь заполнить свободные часы, а для него это было труднее, чем для кого-либо другого. Только в ее доме все дышало тем богатством, той пышностью, к каким он привык. В сорок лет г-жа Эванхелиста была еще красива – красотой великолепного заката солнца после безоблачного летнего дня. Ее безупречная репутация служила темой для нескончаемых пересудов в светских кружках Бордо и давала обильную пищу женскому любопытству, тем более что вдова проявляла признаки пылкого темперамента, присущего испанкам, и особенно креолкам. Ее волосы и глаза были черные, ножка – настоящей испанки, у нее была гибкая, круто выгнутая талия, какую издавна славятся испанские женщины. Ее лицо, все еще красивое, пленяло тем особенным румянцем, который увидишь только у креолок, – его оттенок можно передать лишь путем сравнения с пурпуром, просвечивающим сквозь кисейное покрывало, – так нежно проступал румянец сквозь белизну ее лица. Она отличалась округленностью форм, особенно заманчивых благодаря грации движений, сочетавшей в себе негу и живость, непринужденность и силу. Г-жа Эванхелиста влекла к себе – и в то же время внушала почтение; она пленяла, ничего не обещая. Высокий рост придавал ей царственный вид; такой же царственной была ее поступь. Креолка завлекала мужчин своим обращением, как птиц приманивают на клей, ибо ей от природы был свойствен тот талант, которым обладают все интриганки: она добивалась одной уступки за другой, пользовалась полученными уступками, чтобы потребовать еще больше, а когда у нее просили что-нибудь взамен, умела вовремя отступить. Она не получила никакого образования, зато была знакома со всей подноготной испанского и неаполитанского дворов, знала наперечет знаменитых людей Северной и Южной Америки, знатные семьи Англии и континента; как ни поверхностны были ее познания, но благодаря их разносторонности они казались весьма обширными. Она умела принять гостей; в ней было то чувство изящного, та величественность, которым обучить нельзя: лишь у немногих есть особый дар приобрести эти свойства, заимствуя повсюду все хорошее, что может пригодиться. Трудно было понять, как могла она сохранить безупречную репутацию, но г-жа Эванхелиста ее сохранила, и это придавало еще больше веса ее поступкам и словам, помогало ей держаться с особым достоинством. Мать и дочь были очень дружны; их связывало не только обычное родственное чувство, у них был одинаковый характер, и постоянное общение никогда не приводило к раздорам. Поэтому многие считали, что г-жа Эванхелиста все принесла в жертву ради материнской любви. Но если Натали и являлась утешением матери в ее упорном вдовстве, все же не дочь была его единственной

причиной. Говорили, что г-жа Эванхелиста некогда была страстно влюблена в одного дворянина, которому вторая Реставрация вернула все титулы, вновь сделав его пэром. Этот человек в 1814 году был не прочь жениться на г-же Эванхелиста, но в 1816 году весьма вежливо порвал с нею всякие отношения. Несмотря на то, что она казалась доброй женщиной, в ее характере была ужасающая черта, которая лучше всего выражается девизом Екатерины Медичи: «Odiat e aspettate» – «Ненавидьте и ждите». Везде первая, привыкшая к повиновению, она отличалась свойством, присущим царственным особам: приветливая, добрая, ласковая, обходительная, она становилась грозной и неумолимой, когда была затронута ее женская гордость, ее самолюбие испанки из рода Каса-Реаль. Она никогда не прощала. Эта женщина верила во всемогущество своей ненависти, верила, что злой рок будет неотступно преследовать ее врага. Она полагалась на свою роковую власть и мечтала отомстить человеку, насмеявшемуся над ней. Ход событий как будто подтвердил силу ее «джеттатуры»¹ и еще больше упрочил в ней эту суеверную убежденность в своей власти. Ее враг оказался близок к разорению, несмотря на то, что был министром и пэром Франции, а затем вконец разорился. Его имения, политическое влияние, положение в обществе – все пошло прахом. Однажды г-жа Эванхелиста, гордо проезжая в своем роскошном экипаже по Елисейским полям, встретила его, идущего пешком, и окинула взглядом, в котором сквозило торжество. Эта история, тянувшаяся свыше двух лет, помешала ей выйти вторично замуж. К тому же она была разборчива и всегда сравнивала тех, кто искал ее руки, с горячо и искренне любившим ее мужем. Так, мало-помалу, переходя от надежд к разочарованиям, от ошибок к новым расчетам, она достигла того возраста, когда женщине не остается другой роли в жизни, кроме роли матери, когда, принося себя в жертву детям, забыв все личные интересы, она целиком посвящает себя семье, этому последнему пристанищу человеческих страстей. Г-жа Эванхелиста быстро разгадала характер Поля, а собственный характер постаралась скрыть. Поль был как раз таким человеком, которого она хотела бы в зятя, которого можно было бы сделать покорным исполнителем ее честолюбивых замыслов. По материнской линии он был в родстве с Моленкурами; старая баронесса де Моленкур, приятельница Видама Памье, принадлежала к самому влиятельному кругу Сен-Жерменского предместья. Ее внук Огюст де Моленкур был прекрасно принят в высшем свете. Таким образом, с помощью Поля семья Эванхелиста могла легко попасть в парижское общество. Вдова знала только Париж времен Империи, да и то бывала в нем лишь изредка; она хотела блистать в Париже времен Реставрации. Только там ее зять мог бы сделать политическую карьеру, единственную, которой светские женщины могут содействовать, не нарушая приличий. Г-же Эванхелиста наскучил Бордо, где ей пришлось поселиться из-за дел мужа; у нее был открытый дом, а ведь всем известно, как много обязанностей ложится в этом случае на плечи женщины. Бордо ее больше не интересовал, она исчерпала все, что этот город мог ей дать. Ей хотелось выступить на более обширной сцене, подобно тому как заядлый игрок стремится к более крупной игре. В ее собственных интересах было, чтобы Поль пошел далеко. Она решила пустить в ход все свои способности, все свое знание жизни, чтобы выдвинуть зятя и потом, прикрываясь его именем, вкушать наслаждение властью. Очень многие мужчины служат ширмой для тайного женского честолюбия.

Итак, г-же Эванхелиста было очень важно пленить будущего зятя. И она пленила Поля с тем большей легкостью, что как будто вовсе и не стремилась как-нибудь влиять на него. Но она приложила все усилия, чтобы возвыситься в его глазах как себя, так и дочь и заставить ценить их общество. Она постаралась заранее подчинить себе человека, с помощью которого могла бы продолжать великосветский образ жизни.

Поль поднялся в собственном мнении, когда увидел, как его ценят мать и дочь. Он стал считать себя гораздо умнее, чем был на самом деле, с тех пор как заметил, что Натали подхватывает все его мысли, повторяет каждую его остроту, улыбаясь и покачивая головкой; ей вторила мать, причем лесть была так искусно скрыта, что казалась искренней. Обе женщины держали себя с ним так любезно, он был так уверен в том, что нравится им, они так легко управляли им, дергая за ниточку самолюбия, что скоро он стал проводить в особняке г-жи

¹ Дурного глаза (итал.).

Эванхелиста все свое время.

Через год после приезда в Бордо граф Поль был уже завсегдаем их дома, и, хотя он еще не делал предложения, все считали его женихом Натали. Ни мать, ни дочь как будто и не помышляли об этом браке. Мадемуазель Эванхелиста вела себя весьма сдержанно, как истая аристократка, которая умеет быть обворожительной, любезной в разговоре, но не позволяет в то же время ни малейшей фамильярности. Полю очень нравилась эта сдержанность, столь мало свойственная провинциалкам. Застенчивые люди пугливы, они отступают перед предложениями, сделанными напрямик. Они бегут от счастья, если оно слишком шумливо, и сами идут навстречу несчастью, если оно предстает в скромном обличье и подернуто мягкой дымкой. Итак, видя, что г-жа Эванхелиста не прилагает никаких усилий, чтобы заманить его в сети, Поль сам в них попался. Испанка окончательно покорила его, сказав однажды вечером, что в жизни всякой незаурядной женщины, как в жизни мужчины, наступает момент, когда честолюбие вытесняет все остальные чувства.

«Эта женщина способна добиться того, что меня назначат посланником еще прежде, чем выберут депутатом!» – думал Поль, возвращаясь домой.

Человек при любых обстоятельствах должен уметь подойти к делу так, чтобы представить его себе с различных точек зрения, – иначе он бездарен, слабохарактерен и может погибнуть. В ту пору Поль был оптимистом; ему казалось, что все складывается в его пользу, и он не предполагал, что честолюбивая теща может стать тираном. Поэтому, возвращаясь по вечерам домой, он уже видел себя женатым, сам себя обольщал этой картиной, сам готов был надеть мягкие туфли брака. Он слишком долго наслаждался свободой, чтобы сожалеть о ней; холостая жизнь утомила его, уже не привлекала новизной, он замечал теперь только ее неудобства и хотя иногда задумывался о трудностях семейной жизни, но чаще мечтал о ее радостях. Все это было для него ново. «Брак, – думал он, – сулит неприятности только беднякам, а для богатых добрая половина этих бед устранима». Каждый день ему приходила в голову какая-нибудь новая мысль в пользу женитьбы; перечень преимуществ брачной жизни все возрастал. «Каких успехов я ни достигну, Натали всегда окажется на высоте положения, – думал он, – это большое достоинство в женщине. Сколько выдающихся людей Империи жестоко страдало на моих глазах от неудачного брака! Моя избранница никогда не заставит страдать мое самолюбие, не нанесет урона моей гордости, а это – важнейшее условие для счастья. Тот, кто женат на хорошо воспитанной женщине, никогда не будет несчастен: она никогда не сделает его посмешищем, всегда сумеет быть ему полезной. Натали будет просто восхитительна во время наших приемов». Он припоминал самых изысканных дам Сен-Жерменского предместья и все более убеждался, что Натали если не затмит их всех, то по меньшей мере ни в чем им не уступит. Сравнение шло целиком в ее пользу. Впрочем, все эти параллели, мысленно проводимые Полем, были подсказаны его тайными желаниями. В Париже он ежедневно встречался с красивыми девушками, разными и по внешности и по характеру, но именно благодаря обилию впечатлений оставался равнодушен к ним; а у Натали в Бордо не было соперниц, она была единственной в своем роде и появилась как раз в тот момент, когда Поля преследовала мысль о браке, овладевающая рано или поздно почти каждым мужчиной. Итак, эти сопоставления наряду с доводами самолюбия и непритворной страстью, не имевшей другого исхода, кроме законного брака, довели Поля до того, что он влюбился по уши, хотя даже самому себе не решался признаться в этом, убеждая себя, что ему просто-напросто хочется жениться. Он старался отнестись к Натали беспристрастно, как человек, не желающий подвергать риску свое будущее; дружеские предостережения де Марсе еще звучали у него в ушах. Но, во-первых, женщины, привыкшие к роскоши, отличаются обманчивой простотой; они как будто пренебрегают богатством, которое служит для них средством, а вовсе не целью. Видя, что обе дамы ведут точно такой же образ жизни, как и он сам, Поль не подозревал, что под этим кроется угроза разорения. К тому же, если существуют кое-какие неписанные правила, как улаживать неприятности, связанные с браком, то нет таких правил, которые помогли бы предугадать или предотвратить эти неприятности. Несчастные браки между людьми, казалось бы, поставившими себе целью облегчить друг другу жизнь и сделать ее приятной, объясняются постоянным общением друг с другом, которое раскрывает их подлинные качества и которого не существует между молодыми людьми до брака и не будет существовать до тех пор, пока не

изменяются французские законы и нравы. Люди, готовящиеся вступить в брак, обманывают Друг друга, и это – невольный, невинный обман: каждому непременно нужно выставить себя в наиболее благоприятном свете; они состязаются в стремлении пленить один другого и в результате представляются друг другу лучше, чем впоследствии оказываются на самом деле. В жизни, как и в природе, бывает гораздо больше пасмурных дней, когда небо покрыто тучами, чем безоблачных, когда солнце ярким светом заливают поля. Молодежь замечает только ясные дни. Позже она обвиняет брак во всех недостатках, присущих самой жизни; ведь люди склонны искать причину всех зол в том, что находится в непосредственной близости к ним.

Чтобы обнаружить по лицу, словам, манерам и движениям Натали, что она, как и всякая другая, платит дань несовершенствам человеческой природы, Поллю нужно было бы не только владеть наукой Лафатера и Галля, но и тем, чего не может дать никакая наука, – умением наблюдать, требующим большого житейского опыта. Как у всех девушек, у Натали было непроницаемое лицо. Скульпторы придают выражение глубокого, безмятежного спокойствия лицам мраморных дев, воплощающих Справедливость, Невинность, – словом, божества, чуждые человеческим страстям. В этой безмятежности – обаяние девушки, признак ее чистоты. Еще ничто не волновало ее души; неразделенная страсть и обманутая надежда еще не успели нарушить невозмутимость ее лица; если же это спокойствие напускное, то в такой девушке нет ничего девического. Всегда оставаясь под крылышком матери, Натали, как и всякая испанка, получила лишь чисто религиозное воспитание да несколько материнских наставлений, небесполезных для предстоящей ей роли. Спокойствие ее лица не было деланным. Но это был всего лишь покров, под которым таилась женщина, как бабочка в коконе. Человек, умеющий обращаться со скальпелем анализа, подметил бы в ее характере кое-какие зачатки отрицательных качеств; они должны были проявиться более отчетливо при ближайшем столкновении с жизнью, как семейной, так и светской. Она отличалась дивной красотой, безупречно правильные черты ее лица были в полной гармонии с пропорциями головы и тела. Но такое совершенство несовместимо с совершенством души; исключений из этого закона почти не бывает. У истинной красавицы непременно должен быть какой-нибудь чуть заметный недостаток: он-то и придает ей неотразимую привлекательность, это тот «огонек», который возникает из противоречия чувств и приковывает взоры. Полная гармоничность свидетельствует о холодности, свойственной ограниченному натурам.

У Натали был округлый стан – признак здоровья и вместе с тем безошибочный признак твердой воли; а у людей, ум которых не отличается ни гибкостью, ни шириной, твердость воли часто переходит в упрямство. Ее руки, похожие на руки греческой статуи, свидетельствовали о том же, что и лицо и стан, – о властности, чуждой логике, о самодовлеющей воле. У нее были сросшиеся брови, а это, по мнению наблюдательных людей, признак завистливости. Выдающегося человека зависть побуждает к соревнованию, толкает на великие дела; у людей же незначительных зависть превращается в ненависть. Девиз матери «*Odiat e aspettate*» – был заложен в самой натуре Натали. Ее глаза, как будто черные, на самом же деле темно-карие, резко отличались цветом от волос – белокурых, с рыжеватым отливом, который столь ценился римлянами и нынче называется в Англии «*aubign*»; когда родители черноволосы, подобно чете Эванхелиста, то у детей зачастую бывают именно такие волосы. Белизна и нежность ее кожи придавали неопишемую тонкую прелесть этому контрасту между цветом глаз и волос, – но только внешнюю прелесть: если в чертах лица нет мягкости и округлости, то, как бы они ни были тонки и изящны, не думайте, что теми же свойствами наделена и душа. Обманчивые цветы молодости облетают, и спустя несколько лет вас поражает сухость, жесткость того самого лица, красотой и благородством которого вы когда-то восхищались. Хотя черты лица у Натали дышали величием, подбородок был, как говорят художники, несколько тяжелой лепки, это позволяло предположить наличие чувств, которым предстояло обнаружиться со всею силою лишь в зрелом возрасте. Ее губы, всегда сжатые, выражали крайнюю гордость и вполне гармонировали с руками, подбородком, бровями и станом. Наконец последний признак, – его одного было бы достаточно для суждения опытного наблюдателя: в чистом голосе Натали, в ее столь пленительном голосе слышались металлические нотки. Как искусно ни владела она им, как ни мелодичны были интонации, все же его звуки заставляли вспомнить о характере герцога Альбы, от которого Каса-Реаль происходили по боковой линии.

Все эти признаки указывали на бурную страстность, на способность непримиримо ненавидеть, внезапно увлекаться, но не любить; они говорили об узости ее ума, о стремлении к владычеству во что бы то ни стало, свойственном людям, втайне сознающим свою ограниченность. Быть может, здоровая кровь несколько сглаживала эти недостатки, коренившиеся в ее темпераменте и в физическом складе; они были скрыты, точно золото в руднике, и должны были проявиться лишь в результате потрясений и ударов, которые влияют на характер в течение жизни. Но в то время юная грация и свежесть, благовоспитанность, девическая наивность и миловидность окутывали ее истинный облик точно легкой вуалью, обманывая неискушенных людей. Мать рано научила ее непринужденно болтать, разыгрывая утонченную натуру, отвечая шутками на серьезные речи и пленяя изящной непринужденностью, под которой женщины часто скрывают убожество своего ума, подобно тому, как природа маскирует бесплодную почву зеленью недолговечных растений. Натали была прелестным избалованным ребенком, не знающим, что такое горе; она пленяла своей непосредственностью, у нее никогда не было глупо-принужденного вида девушки на выданье, от которой не дождешься ни словечка, ни жеста, не предусмотренных материнскими наставлениями. Натали была весела и естественна, как всякая девица, которая ничего не знает о браке, ждет от него только удовольствий, не помышляет ни о каких бедах и думает, что замужем она будет вправе делать все, что захочется. Разве мог Поль, страстно влюбленный в нее, разгадать характер этой девушки, пленившей его своей красотой, и предвидеть, какой женщиной станет она в тридцатилетнем возрасте? Ведь ее внешность могла бы обмануть даже людей, умудренных опытом. Обрести счастье, женившись на этой девушке, было трудно, но все-таки возможно. Все дурное в ее характере находилось еще в зародыше; было немало и хороших задатков. А ведь нет такого хорошего задатка, который не пересилил бы дурные наклонности, если его развивают опытной рукой, в особенности когда дело идет о девушке, полюбившей впервые. Но чтобы переделать столь неподатливый характер, как у Натали, нужна была поистине железная рука, о какой Полю говорил де Марсе. Парижский денди был прав. Страх, внушаемый любовью, – это незаменимое средство, чтобы держать в повиновении женскую душу. Кто любит – тот боится; а кто боится – тот ближе к привязанности, чем к вражде. Разве Поль обладал хладнокровием, рассудительностью, твердостью опытного супруга, необходимыми для этой тайной борьбы, которой жена не должна даже замечать? Да и любила ли Натали Поля? Подобно большинству девушек, она приняла за любовь первое проявление инстинкта, то приятное чувство, какое было в ней вызвано внешностью Поля; но она ничего не знала ни о браке, ни о семейной жизни. Граф де Манервиль, приобщившийся к дипломатии, знакомый с придворной жизнью всей Европы, один из изящнейших молодых людей Парижа, не мог казаться ей тем, кем он был на самом деле, – человеком заурядным, лишенным твердости духа, робким и в то же время мужественным, быть может, энергичным в тяжелую минуту, но не умеющим ограждать себя от тех неприятностей, которые отравляют счастье. Хватит ли у нее в будущем ума и такта, чтобы, несмотря на присущие Полю недостатки, оценить его, как он того заслуживает? Не станет ли она преувеличивать все плохое и забывать все хорошее, как обычно поступают молодые женщины, ничего не смыслящие в жизни? В известном возрасте, когда житейские невзгоды кажутся женщине серьезным несчастьем, она готова все простить тому, кто избавляет ее от них. Но где было взять ту примиряющую силу, ту опытность, которые могли бы помочь молодым супругам, научить их искусству быть счастливыми? Поль и его жена воображали бы, что любят друг друга, а между тем вся любовь заключалась бы в подчеркнутой ласковости, какую не прочь проявлять на первых порах всякая молодая жена, да в восторженных восклицаниях, какие расточают мужья, вернувшись с бала и все еще находясь во власти вожделения. Разве при таких обстоятельствах Поль не очутился бы под властью жены, вместо того чтобы подчинить ее себе? Были ли основания с уверенностью сказать «нет»? На что мог бы еще отважиться человек с сильным характером, то безвольному человеку грозило гибелью.

Но мы не задавались целью описать превращение холостяка в женатого человека, хотя эта картина, набросанная широкими мазками, была бы не лишена заманчивости, какую придают скрытые бурные чувства самым обыкновенным происшествиям нашей жизни. Рассказ о событиях и замыслах, приведших Поля к браку с мадемуазель Эванхелиста, – не более как предисловие; основная же цель произведения – изобразить комедию, предшествующую

всякому браку. До сих пор драматурги почему-то упускали из виду такие темы, хотя последние могли бы послужить плодотворной почвой для их творчества.

Сцены этой комедии, навсегда определившей будущее Поля и с трепетом ожидавшейся г-жой Эванхелиста, – сцены препирательств при составлении брачного контракта, – происходят во всех дворянских и буржуазных семьях, ибо человеческие страсти разжигаются одинаково сильно и крупными и мелкими денежными расчетами. Все эти комедии с неизменным участием нотариуса более или менее похожи на комедию, которая описывается здесь и любопытна не столько тем, что сказано на страницах нашей книги, сколько теми воспоминаниями, какие она пробудит у женатых людей.

В начале зимы 1822 года Поль де Манервиль через свою двоюродную бабушку, баронессу де Моленкур, сделал Натали предложение. Хотя баронесса никогда не проводила в Медоке больше двух месяцев, но на этот раз она осталась там до конца октября, чтобы помочь внучатому племяннику и заменить ему мать.

После предварительных переговоров с г-жой Эванхелиста бабушка, весьма опытная старая дама, сообщила Полю о результатах своих хлопот.

– Все устроено, мальчик! – сказала она. – Побеседовав о денежных делах, я выяснила, что г-жа Эванхелиста от себя лично ничего не дает дочери, но Натали, выходя замуж, сохраняет все свои права на наследство. Женись, мой друг! Всякий молодой человек, если у него есть титул, имения, переходящие от предков к потомкам, и желание продолжить свой род, рано или поздно должен вступить в брак. Мне хотелось бы, чтобы мой Огюст пошел по тому же пути. Ты можешь жениться и в мое отсутствие; моя обязанность – лишь благословить тебя, а таким старухам, как я, нечего делать на свадьбе. Поэтому я завтра уеду к себе, в Париж. Когда ты введешь свою жену в свет, мне будет гораздо удобнее принимать ее у себя, чем здесь. Если тебе в Париже негде жить, то вы всегда можете поселиться у меня; я охотно предоставлю вам третий этаж моего особняка.

– Благодарю вас, бабушка, – сказал Поль. – Но как понимать ваши слова: «Мать от себя лично ничего не дает дочери, но Натали, выходя замуж, сохраняет все свои права на наследство»?

– Твоя будущая теща, мой мальчик, себе на уме; она пользуется красотой дочери, чтобы диктовать свои условия и дать за Натали только ту часть отцовского наследства, которой ее никак нельзя лишить. Мы, старые люди, придаем большое значение вопросу: что у него есть? что есть у нее? Советую тебе дать нотариусу точные инструкции. Подписание брачного контракта, мальчик, – дело очень важное. Если бы твои родители не позаботились своевременно тебя обеспечить, то, может быть, сейчас тебе негде было бы приклонить голову. У тебя будут дети, без которых обычно не обходится брак, значит, и о них надо подумать. Поговори с нашим старым нотариусом, мэтром Матиасом.

Госпожа де Моленкур уехала, оставив Поля в большом смущении. Итак, его будущая теща – себе на уме! Заключая брачный контракт, ему придется заботиться о своих материальных интересах, нужно будет защищать их. Неужели кто-нибудь собирается на них посягать? Он решил последовать совету бабушки и поручить составление брачного контракта мэтру Матиасу. Предстоящие переговоры внушали ему некоторое беспокойство. Поэтому, приехав к г-же Эванхелиста и собираясь посвятить ее в свои планы, он сильно волновался. Подобно всем застенчивым людям, он боялся чем-нибудь выдать свое недоверие, пробужденное словами бабушки и казавшееся ему самому оскорбительным. Чтобы избежать всяких трений со столь почтенной особой, какой была г-жа Эванхелиста, он пустился в околичности, как все те, у кого недостает характера прямо приступить к делу.

– Сударыня, – сказал он, уловив момент, когда Натали вышла, – как вам известно, нотариус моей семьи ведет все мои дела. Он славный старик и будет весьма огорчен, если я не поручу ему составить мой брачный...

– Но, дорогой мой, – прервала его г-жа Эванхелиста, – ведь брачные контракты всегда заключаются с участием нотариуса и с той и с другой стороны!

Поль замолк, а г-жа Эванхелиста между тем задала себе вопрос: «Что у него на уме?» Ведь женщины обладают свойством прекрасно угадывать по выражению лица самые сокровенные мысли. Смущенный взгляд, взволнованный голос Поля выдавали происходящую в